

Плюрализм и критика

*Плодотворность противоречий есть просто
результат нашего решения не мириться с ними*

К. Поппер

В статье речь пойдёт о том, что различие умов не есть «различие (=разброд) в уме». Если различие умов необходимо для критической дискуссии и плодотворно для развития всякого теоретического (в том числе и философского) знания, то «различие в уме» хотя и может иногда быть полезным для этого частного «ума» с психологической, а иногда и прагматической точки зрения (чего не бывает!), то в теоретическом и научном смысле оно нисколько не хорошо, а наоборот — весьма прискорбно. Противоречие в голове делает данную голову абсолютно неспособной к объективному познанию, т.е. к обоснованному проведению разграничения между истинным и ложным (ибо, как известно, из противоречия следует всё что угодно). Если же противоречие имеет место *между* головами, то это может способствовать развитию познания, однако лишь постольку, поскольку данные «головы» *не намерены мириться с существующим противоречием* и готовы к совместной критике собственных концепций ради поиска объективной и общезначимой истины. Если же «головы» закрывают свои глаза на существующие между ними противоречия, «мирятся» с ними, то никакого объективного теоретического исследования не может быть. Такой «плюрализм» будет плюрализмом философски и научно импотентных голов.

I

Существуют различные типы плюрализма: бывает многожёнство, а бывает и многомужество... (народная мудрость).

Рассмотрим, например, такую ситуацию. Встречаются философ и убийца. Философ говорит: «Негоже, брат, ради собственного счастья людей губить!». А убийца отвечает: «Ты хоть и философ, но мыслишь как самый настоящий фашист. Каждый живёт и зарабатывает на жизнь как

может. Главное делать своё дело профессионально и не вмешиваться в дела других!». Очевидно, что убийца разрушает своим безмерным толкованием плюрализма основы не только философии, но даже любой политики. Его «плюрализм» нуждается в серьёзном ограничении. Однако даже если преступник станет полноправным и честным гражданином («политиком»), он ещё вовсе не обязательно станет философом.

Политический плюрализм для философии не менее широк и непригоден, сколь широк и непригоден «плюрализм» уголовного для здоровой политики. Представим такую ситуацию: встречаются два философа и один другому говорит: «Я, коллега, открыл новую область философского творчества — распространяю среди народа глупость и мракобесие методом «развешивания лапши на уши». Твоему же стремлению к мудрости и так называемому (а на деле давно мною опровергнутому) «просвещению» разума человеческого я препятствовать несколько не стану. Делай что хочешь, ведь мы живём в демократическом обществе, ведь мы плюралисты! А если будешь меня чересчур доставать своей критикой, то я тебя насильника и рационалиста привлеку к ответственности за попрание моих политических свобод!». Абсурдность подобной аргументации свидетельствует о существовании всё же более строгих границ у философского плюрализма, чем у плюрализма политического. Политический плюрализм гораздо шире философского — он полностью распространяется и на признание возможности развешивать лапшу на уши, которое ни в каком демократичном обществе запрещаться не может. Если мы хотим обеспечить возможность теоретического плюрализма, мы сначала должны обеспечить плюрализм в политике. Однако чтобы быть философом недостаточно простого соблюдения принятых в государстве законов — необходимо добровольно принять *дополнительное «ярмо» законов интеллектуальной деятельности* (и отказаться, например, от заманчивых возможностей политического использования лапши).

Несмотря на свою большую узость и строгость, в сравнении с политикой, философский плюрализм всё же достаточно широк, он гораздо шире плюрализма конкретных наук. Представим себе такую ситуацию. Встречаются два физика теоретика, и один говорит другому: «Поздравь меня! Я доказал, что всякая теория ложна». Очевидно, что «учёный» это сказавший не имеет права участвовать в научной дискуссии, он должен быть исключён из научного сообщества как нарушивший правила, границы и основания плюрализма физиков-теоретиков. Но если это же скажет философ, он не будет дисквалифицирован — правила *философского*

сообщества не столь строги, а границы философского плюрализма гораздо шире, чем у физиков. Можно, однако, заметить, что в философии не существует единого сообщества с общими основаниями и границами плюрализма. В конце концов, допустимо даже видеть в современных физиках потомков самой древней в истории европейской философии школы — наследников ионийской традиции критического исследования природы.

В той совокупности теорий, которая зовётся ныне философией, нет единых оснований и единства предмета. Кто-то занимается методологией, а кто-то смыслом жизни, и недопустимо методологам требовать плюрализма и признания в сфере смысложизненных проблем, а экзистенциальным философам требовать признания в области методологии. Подобная «демократия» может быть установлена лишь силовыми методами. Можно ли принимать всерьёз последователей философии математики М. Монтеня или С. Кьеркегора? Можно ли всерьёз дискутировать с последователем экзистенциального учения А. Тарского? Увы! По-видимому, существуют последователи эпистемологии Гегеля и онтологии Канта, которые полагают, что им необоснованно зажимают рот и необоснованно исключают из философского диалога. Подобные «борцы за плюрализм» считают невнимание к себе политическими и/или идеологическими происками коварных оппонентов — «врагов».

Если философия относится к области мнений, и убеждение Протагора о том, что всякое мнение истинно само является истинным, тогда всякая философия истинна и плюрализм философских учений обоснован. Тогда каждый философ вправе утверждать всё, что соответствует его учению, а может даже всё что угодно, если учение знает он один. Тогда возникает полная беспринципность, а плюрализм переходит в релятивизм. Чем же релятивизм отличается от плюрализма?

Плюрализм возникает естественно и непреднамеренно, в силу природы самой философии. Плюрализм в философии (как и в науке, если их разграничивать) никто из философов не ищет и не отстаивает. Теоретический плюрализм отличается от плюрализма политического, который сам собой не возникает и не поддерживается, и для существования и защиты которого необходимо постоянное усилие. Возможно, что теоретический плюрализм в философии несколько отличается от теоретического плюрализма в области конкретных наук. Вероятно, что природа философской теории не позволяет прийти к той степени единогласия, к которой приходят теоретики в области позитивных наук. Социология знания весьма уместна в случае исследования

философского плюрализма, но становится полнейшей глупостью в области изучения дисциплинарного подразделения естественнонаучного знания.

Границы между философскими школами более условны, относительно и субъективны чем границы между конкретными научными дисциплинами. В научных дисциплинах исключается какой-либо субъективизм («субъект мёртв»), в философских же школах субъективный фактор неизбежно в той или иной степени присутствует (субъект «жив»). Разделение философии напоминает (или сохраняет?) свой преднаучный характер, обнаружившийся уже в древнегреческих школах (математик = пифагореец, физик = представитель милетской школы и т.д.).

II

1. Философский плюрализм следует отличать от иных типов плюрализма. Например, философский плюрализм никак не является плюрализмом политическим. Политический плюрализм, в отличие от научно-философского, вполне допускает не только иррациональные формы внушения, но допускает даже некоторые формы прямого обмана (не приводящие, конечно, к ущемлению гражданских прав обманываемых, можно даже сказать, что в число основных политических прав всякого гражданина входит его неотъемлемое право заниматься «развешиванием лапши на уши» другим гражданам). Философия же ... та, которая действительно претендует на научность ... является формой *теоретического* исследования, необходимо предполагающего стремление к истинности и объективности (философия, конечно, бывает разной: существует и философия далёкая от научной теории, например, философия соединённая с религией, поэзией или иными, в той или иной степени чуждыми теории формами культуры).

2. Всё ниже сказанное тем более справедливо в отношении философии *университетской*, которая не может выражаться в молитвах, стихах или песнопениях, которая связана с наукой и необходимо предполагает наличие определённой теоретической ответственности. Плюрализм университетской философии значительно уже, чем плюрализм философии вообще.

3. Философия – это прежде всего обоснование и аргументация. Никакая идея без той или иной формы *обоснования* не может стать идеей философской. Идея без обоснования может оказаться теософской, даже научной, но никак не философской. Рожать идеи всякий дурак сможет, потому-то Сократ сам этим делом и не занимался («хорошая акушерка должна быть стерильна»). Пожалуй, всякий человек высказывает на

протяжении жизни определённое множество глубоких высказываний, однако философом от этого не становится. Отличие заключается в том, что философ относится к собственным идеям рефлексивно, следовательно, критически. Сказанное не следует понимать как требование *дедуктивного* доказательства, представляющего лишь частный случай философского обоснования. Конечно, дедуктивные выводы использовались многими выдающимися мыслителями в прошлом (Аристотель, Декарт, Лейбниц и др.) и будут использоваться в будущем, однако область философской аргументации значительно шире. Хорошо если даже мыслитель обеспокоен поиском *достаточных оснований* принятия того или иного положения, той или иной идеи. Такого уже можно считать в некоторой степени и философом.

4. Философия предполагает возможность *критики* всякой иной философии. Плюрализм без критической дискуссии теряет всякий смысл. Плюрализм без критики есть, в лучшем случае, эклектизм. Диалектическое развитие философии возможно только тогда, когда считается что всякий философ, даже самый выдающийся, может в чём-то *ошибаться*. Не ошибается тот, кто ничего не делает; безошибочны также *эпигоны* некоторой философии. Там где отрицается возможность ошибки, никакой научной философии и никакой *рациональной* философской аргументации не может быть. Когда нет критики, нет и философии (по европейским стандартам). Тот кто не испытал мысли великих *критически*, тот никогда самостоятельно мыслящим философом не станет, или, немного иначе: кто «дружбу» с Платоном, Гегелем или Хайдеггером ставит выше истины, тот не может считаться европейским философом, ибо возлюбивший Платона больше истины легко может свою дружбу с Володыями, Еленами и другими *ещё* более близкими ему людьми оценить выше своей дружбы с Платоном. Авторитарность легко переходит в протекционизм, всё начинается с отрицания возможности существования каких-либо общих, интересубъективных правил и объективных критериев.

5. Другое дело, что рациональное обнаружение ошибочности тех или иных философских идей порой проблематично. В чём может состоять философская ошибка? Очевидно не в фактической ложности того или иного утверждения, а в чём-то ином. На первый план выходят проблемы когерентности и непротиворечивости философских обоснований, проблемы их корректности и границ, и т. п.

6. Другой вопрос, *почему* мы перестали воспринимать философию теоретически, видеть в философии научную теорию (или, хотя бы, признавать теоретический идеал философствования)? Почему мы перестали

быть *европейскими* философами? Почему мы видим в философии прежде всего политику или идеологию, а уж в последнюю очередь ... науку? Ответ на эти "почему" имеет отчасти исторический характер, отсылая к недавнему прошлому. Вспоминаются три бородача (а коли бородачи, значит, как повелось, и философы!): К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин, которые считались непогрешимыми авторитетами, «гуру», а всякий спор с ними квалифицировался как спор политический и идеологический. В настоящее время мы имеем расширение когорты вознесённых на небо бородачей (необходимо добавить М. Хайдеггера, Э. Фрейда, Ж. Деррида и некоторых других, а также отметить связанное с увеличением их количества общее снижение авторитарного фанатизма). В стиле некоторых философских дискуссий, в отношении к классиком изменилось не слишком многое: изобилие цитат, бряцающих великими именами, запугивание авторитетами и т.п. средства «аргументации» ещё в значительной степени сохраняются в отечественной философской литературе.

7. Отрицая чужую «мудрость», считая её заблуждением, философ, тем самым, апофатически выражает свою собственную любовь к мудрости. «Ненависть» Гераклита лежит в основе всякого диалектического развития философии. И неважно, что истина, за которую идёт борьба, и путь к ней понимаются во всякой философии по-своему ... главное чтобы оставалось *стремление* («эротика», «ностальгия» и т.п.). Если нет данной предпосылки, то любой плюрализм пуст и бесплоден; если нет данной предпосылки, то мы неизбежно получим *скептицизм*, признающий всякое мнение равно допустимым и не стремящийся к объективной истине.

8. Нормальной ситуацией является плюрализм ложных концепций, развитие каждой из которых образует специфический путь поиска истины, по-своему и со своей стороны приближается к объективной истине, и даже к какой-то своей (некоторой, конкретной и под.) истине, отличной от тех истин, к которым сходятся иные заблуждения наличного плюрализма.

9. Апофатический путь диалектического развития философии никогда не обретёт *метода*. «Диалектический метод» ... нонсенс, ибо отрицание заблуждения никогда не может стать гарантией верного пути продвижения к истине: всегда может оказаться, что отрицание заблуждения само есть заблуждение, поэтому заблуждение никогда не будет превращено в *путь* (=метод) к истине. Следовательно, плюрализм может стать основанием лишь *стихийного* развития философии. Если философское стремление к истине не приводит к единому методу, это ещё не значит, что данное стремление бесплодно.

10. Если скептик признаёт возможность «многоголовости» (совмещения различных философских позиций) в рамках отдельно взятой ... своей собственной ... головы, то по нашему мнению, никакая диалектика в изолированной, абстрагированной из диалогических отношений противоположных позиций, отдельно взятой голове невозможна. Возможно ли какое-либо иное ... не скептическое ... решение проблемы «многоголовости»? Идея «снятия» противоборствующих философских позиций в рамках некоторой новой, объемлющей философской позиции также представляется нам ошибочной. Если философия является *предельной* теоретической и/или мировоззренческой целостностью, то большая, охватывающая и включающая её в себя целостность невозможна *по определению*. «Снимать» можно и нужно лишь *некоторые* идеи иной философии, но никогда не всю её целостность. Целостность иного должна быть при «снятии» уничтожена.

11. Никакая школа и никакое философское направление не может быть свободно от возможной критики оппонентов принадлежащих иным школам и направлениям. В философской дискуссии нет и не может быть *алиби*, никто не может быть гарантирован от критических возражений оппонента. Философия не является автономной специальной научной дисциплиной, философия всегда гетерономна. Когда алиби автономии утверждается, тогда философия заканчивается в качестве философии. Поэтому всегда наиболее желанным для всякого философа является оппонент из *иной* философской школы или даже иного философского направления.

12. Когда философская критика со стороны оппонента отвергается? Когда нет собственных контраргументов, тогда всякая внешняя критика выдаётся за личные ... «Ты мою гениальность не уважаешь!» ... или групповые «нападки», «инсинуации» и т.п. ... «Караул! На наших наехали!» Подобный криминально-политический жаргон и обиды существуют лишь за рамками философии, ибо находятся за пределами разумного обоснования и рациональной аргументации (каждый обижается лишь в силу собственной нефилософичности). Мог ли обидеться на кого-либо, например, Сократ? У Сократа подобного «внешнего» по отношению к философии пространства просто не существовало, поэтому он и не мог обидеться никакой критике. Обиды возможны лишь при наличии некоторого ... иногда вполне понятного и простительного ... дефицита в области рассудка, чем Сократ несколько не страдал.

13. Однако философское отрицание оппонента возможно только при наличии здоровых *условий* и *правил* проведения дискуссии. Во-первых,

когда оппонент не признаёт никаких правил, тогда даже Сократ прерывал дискуссию. Во-вторых, когда дискуссия предметна, тогда *личность* оппонента никак не должна в ней фигурировать. В-третьих, речь всегда должна вестись о взглядах и убеждениях оппонента, но никак не о каких-то его личных качествах. Видеть в критических замечаниях оппонента «нападки», «инсинуации» и «наезды» может, как мы уже отмечали, только человек не особенно дальновидный. Никакого личного и/или группового выяснения отношений философская дискуссия не допускает. Когда всё сводится к разговорам о себе (о своей «гениальности») или о «своих» и «чужих» философия вырождается и неизбежно заканчивается. В философии нет ничего личного. Можно ли найти что-либо личное у Сократа или у Гераклита? Индивиды конфликтуют лишь в *жизни*, философский же спор возможен лишь между различными теоретическими *позициями*.

14. Любой ценой «придерживаться собственных убеждений» в науке и в философии достаточно беспринципно. Философия и наука тем и отличаются от религии и идеологии, что принимаемые в них концепции подлежат рациональной критике, в результате которой они могут измениться, замениться иными, иногда и противоположными концепциями. Подобная замена должна быть достаточно явной и определённой, иначе дискуссия перестаёт быть честной.

«Отрицание отрицания» есть разрушение всякой здоровой критической дискуссии. В результате последующего «снятия» уничтожается всякая иная философия, ибо никакая философия не может существовать в усечённом, «снятом» виде. Идея «снятия» опирается на предположение, что человек может придерживаться сразу нескольких различных философий, что человеческая голова способна вместить ряд различных и целостных теоретико-мировоззренческих позиций. Идея «снятия» ошибочна и ничему в реальной философской дискуссии не соответствует, ибо взаимовлияние и критическое воздействие одной философии на другую не отменяет невозможность их *совмещения* в чём-то третьем, невозможность какой-либо объединяющей, «синтетической» философии ... всякая философия итак уже является *предельным* теоретическим синтезом. Философский синтез невозможен так же, как невозможен философский плюрализм в отдельно взятой человеческой голове.